

П.Е.ФОКИН

БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ. ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

“Поэма готова и создана прежде всего, как и всегда должно быть у романиста” (22; 7), – писал в январском “Дневнике писателя” за 1876 год Достоевский. Слова эти, сказанные в контексте сообщения о подготовке к работе над романом “о русских теперешних детях, ну и конечно и теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении” (22; 7), несомненно относятся к тому грандиозному замыслу, который лишь частично был воплощен в “Братьях Карамазовых”. Частично уже хотя бы потому, что сам писатель планировал продолжение, а в предисловии к роману вполне однозначно объявил: “жизнеописание-то у меня одно, а романов два. Главный роман второй – это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент” (14; 6). Если учесть, что еще в апреле 1876 года Достоевский видел задачу “Дневника писателя” помимо прочего еще и в том, чтобы, “готовясь написать один очень большой роман, <...> погрузиться специально в изучение <...> подробностей текущего” (29, II; 78), то следует признать, что в январе 1876 года речь шла о “поэме”, лежащей в основе второго, “главного” романа. Первый же роман возник, очевидно, в ходе разработки “поэмы”, ибо, как признавался в предисловии Достоевский, “обойтись мне без этого первого романа невозможно, потому что многое во втором романе стало бы непонятным” (14; 6).

Как мне представляется, очень важно при интерпретации содержания и проблематики “Братьев Карамазовых” постоянно помнить о том, что “поэма готова и создана прежде всего”, и первый роман предназначен прояснить суть второго. Иными словами, важно учитывать, что все, о чем повествуется в “Братьях Карамазовых”, написано автором, знающим, что произойдет, а точнее, что произошло с главным героем и, возможно, его братьями во втором романе. Ремарки повествователя, напоминающие читателю об этом, систематически встречаются в тексте “Братьев Карамазовых”, в наиболее принципиальных местах они даже выделены курсивом.

“Первый же роман произошел еще тринадцать лет назад и есть почти даже и не роман, а лишь один момент из первой юности моего героя” (14; 6), – сообщает в предисловии “От автора” повествователь. Интересное замечание, особенно о том, что это “почти даже и не роман”. Так сказать о произведении, которое уже в самом начале планировалось в объеме, превышавшем все, до того написанное Достоевским, а в итоге далеко превысившее и сами эти планы, можно было лишь с намерением обратить на это высказывание особое внимание читателя. И, как представляется, это ключевая фраза предисловия, в том смысле, что в ней предложен ключ к интерпретации и пониманию всех последующих событий романа.

Здесь еще раз и уже окончательно, не декларативно, а в действии, определена система художественных координат романа и дана точка отсчета: “Братья Карамазовы” – первый роман из “жизнеописания” Алексея Федоровича Карамазова, и с этой точки зрения “Братья Карамазовы”, действительно, “почти даже и не роман”. Роль Алеши Карамазова именно как романного героя в этой части жизнеописания на самом деле не очень велика, что, впрочем, не умаляет значимости и “масштабности”, по выражению Романо Гуардини¹, его личности и образа. В критике можно даже встретить упреки в адрес Достоевского по поводу того, как представлен в романе главный герой. Так, К.В.Мочульский писал: “Младший из братьев Карамазовых, Алеша, обрисован бледнее других. Его личная тема заглушается страстным пафосом Дмитрия и идейной диалектикой Ивана. Подобно своему духовному предшественнику князю Мышкину, Алеша сочувствует и со-переживает с другими, но действие романа им не определяется и “идея” его только намечена”².

Оставаясь в пределах заданной автором системы художественных координат, неизбежно задаешься вопросом, о каком же “моменте из первой юности” героя идет речь? Есть ли это трагическая гибель его отца, или, может быть, пребывание Алеши в монастыре и общение, а потом расставание со старцем Зосимой? Или встреча с братьями? Подсказка писателя, как мне кажется, все в той же ключевой фразе предисловия, именно в той ее части, в которой задается хронология событий: “тринадцать лет назад”. Поскольку все действие романа привязано к жизнеописанию Алексея Федоровича, то и эти тринадцать лет связаны, таким образом, с биографией главного героя. А первое, что сообщает Достоевский о своем герое (это первое предложение персональной главы “Третий сын Алеша”): “Было ему тогда всего двадцать лет” (14; 17). “Тогда” – это тринадцать лет назад. Арифметика предельно простая: во втором романе Алеше должно исполниться тридцать три года, иными словами, “Братья Карамазовы” написаны о “первой юности” героя, который главные подвиги совершит, достигнув возраста Христа.

То, что Алеша – герой хриstopодобный, не вызывало сомнений уже и у первых читателей романа. Тенденция Достоевского несомненна. С особой тщательностью и символизмом она представлена в финальной сцене рома-

на. Очевидно, что жизнеописание хриstopодобного героя должно так или иначе соотноситься с жизненным путем Христа, быть, если можно так сказать, “евангелиеподобным”. Тогда и ответ на вопрос, о каком “моменте из первой юности” хриstopодобного героя идет речь в романе, нужно искать в Евангелии, среди тех, которые условно можно отнести к событиям “из первой юности Христа”. И еще конкретнее, к событиям, произошедшим до призвания учеников, ибо именно этой сюжетной аллюзией заканчивается роман Достоевского. Таких событий совсем немного, и первое из них после Крещения — это уход в пустыню, искушение дьяволом и преодоление искушения. Вынесение этого евангельского эпизода в интеллектуальных центр романа в главе “Великий инквизитор” позволяет с уверенностью говорить, что главное событие романа следует обозначить как *искушение Алеши*. В пользу этого говорит и тот факт, что в самом начале романа мы находим главного героя в стенах монастыря, или, как еще было принято говорить, в пустыни, а затем, после испытаний, герой вновь возвращается в мир. Примечательно, что именно эта тема — искушение веры, — акцентируется, по наблюдению В.Е.Ветловской, и другой христианской параллелью, которая последовательно проводится в романе — Житием Алексея человека Божия³.

Стремясь добиться максимальной ясности, Достоевский включает в состав своего произведения развернутое толкование евангельского эпизода. В своей удивительной поэме интеллектуал Иван Карамазов символические образы Нового Завета переводит на современный язык: три искушения Христа — это, по его пониманию и пониманию самого Достоевского, искушение чудом, тайной и авторитетом. Поэма Ивана, рассказанная им Алеше, предсказывает Алеше его путь, просвечивает читателю главную коллизию “первого” романа. Искушение чудом, тайной и авторитетом предстоит пройти и Алексею Федоровичу Карамазову. Собственно этому и посвящена седьмая книга романа “Алеша”.

Глава “Тлетворный дух”, которой открывается седьмая книга романа, могла бы с полным основанием называться “Соблазн”. Словом “соблазн” характеризует атмосферу дня после кончины старца Зосимы повествователь. “Давно уже не бывало и даже припомнить невозможно было из всей прошлой жизни монастыря нашего такого соблазна, грубо разнузданного, а в другом каком случае даже и невозможного, какой обнаружился тотчас же вслед за сим событием между самими даже иноками, — сокрушается он. — Потом уже, и после многих даже лет, иные разумные иноки наши, припоминая весь тот день в подробности, удивлялись и ужасались тому, каким это образом соблазн мог достигнуть тогда такой степени” (14; 298). Немудрено, что поддался соблазну и Алеша, тем более, что искушитель подступил к нему еще до известия о “тлетворном духе”.

Смерть старца подействовала на юного героя необычайно. В одночасье чистое сердце его омрачилось. Наутро после кончины старца Зосимы отец

Паисий застаёт Алешу в “безгласном”, но “горьком” и продолжительном рыдании, с “распухшим от слез, как у малого ребенка” лицом. Монах утешительно обнадеживает юношу: “Полно, сыне милый, полно, друг, ... чего ты? Радуйся, а не плачь. Или не знаешь, что сей день есть величайший из дней его? Где он теперь, в минуту сию, вспомни-ка лишь о том!” (14; 298). Но Алеша, “ни слова не вымолвив, отвернулся и снова закрылся обеими ладонями” (14; 297). Отец Паисий прощает ему эти слезы: “Христос тебе эти слезы послал,” – говорит он, а про себя решает: “Умилительные слезы твои лишь отдых душевный и к веселию сердца твоего милого послужат” (14; 297). Но не все так просто, и утешительная мудрость отца Паисия всего лишь самообман. Слезы Алеши – свидетельство глубокого отчаяния и разочарования в тайне смерти. В этот момент старец умер для него совсем, и Алеша действительно не помнит, “где он теперь”. Алеша усомнился в тайне смерти, но тем самым признал необходимость самого принципа тайны.

Известие о “тлетворном духе” толкает Алешу на еще более дерзкий шаг. Он покидает скит почти в гневе и чуть ли не с презрением. Встретивший его в этот момент простодушный отец Паисий, воплощенный авторитет покойного старца Зосимы, трижды безответно вопрошает юношу. Стремясь удержать его от роковых шагов, отец Паисий апеллирует к тем ценностям, которые проповедовал, в частности, и старец Зосима: “Куда же поспешаешь? К службе благовестят <...> Али из скита уходишь? Как же не спросясь-то, не благословясь?” (14; 305). Но “Алеша вдруг криво усмехнулся, странно, очень странно вскинул на вопрошавшего отца свои очи, на того, кому вверил его, умирая, бывший руководитель его, бывший владыка сердца и ума его, возлюбленный старец его, и вдруг, все по-прежнему без ответа, махнул рукой, как бы не заботясь даже и о почтительности, и быстрыми шагами пошел к выходным воротам вон из скита” (14; 305). Сколько драматизма и безысходности во всех этих жестах Алеши и сколько нигилизма в отношении к авторитету своего “бывшего учителя”. Но разочарование Алеши в авторитете старца Зосимы, есть, про сути, признание авторитета как принципа. Алеша совсем забыл в этот момент, что “покойный старец <...> привлек к себе многих, <...> не столько чудесами, сколько любовью” (14; 299). В этот момент образ любящего старца затмился в сердце Алеши из-за того, что он соблазнился ожиданием чуда. “Если же спросят прямо, – свидетельствует повествователь, – “Неужели же вся эта тоска и такая тревога могла в нем произойти лишь потому, что тело его старца, вместо того, чтобы немедленно начать производить исцеления, подверглось, напротив того, раннему тлению”, то ответчу на это не обвиняюсь: “Да, действительно было так” (14; 305). Ожидая и не дождавшись чуда, Алеша поклонился и чуду как принципу.

Итак, сам того не осознавая и, конечно же, не желая, Алеша вступил на путь великого инквизитора, который поклонился тайне, чуду и авторитету, противопоставив их силе любви Христовой. И поклонившись вместе с геро-

ем Ивановой поэмы этим трем дьяволовым искушениям, осмелился Алеша повторить вслед за Иваном: “Я против Бога моего не бунтуюсь, я только “мира Его не принимаю” (14; 308). Замечательно, что эта реплика в разговора с Ракитиным сопровождается той же гримасой, что и на выходе из скита: Алеша вновь вдруг “криво усмехнулся” (14; 308). Следует полагать, что именно это означала и та давешняя усмешка. Только не осмелился тогда еще сказать эти богохульные слова Алеша в глаза отцу Паисию. Но не удержался при Ракитине. Соблазнил-таки Алешу брат Иван. “Такая минутка” была.

Но та “минутка” была и последней в падении Алеши, и проморгал ее мелкий бес Ракитин. А ведь как старался, как хлопотал! “Тлетворный дух” уже почти коснулся души Алеши, и, может быть, не соблазнил дьявол атаковать Алешу откровенно и в лоб, не призви он в подручные суетливого и глупого Ракитина, его искусительные чары возымели бы результат. Но тут-то и произошло настоящее чудо. В ответ на богоборческие слова Ракитин восклицает: “Что за белиберда?” (14; 308), и, не поняв, что произошло, продолжает: “Ну довольно о пустяках, теперь к делу: ел ты сегодня?” (14; 309). Что за “дело” для Ракитина, ел ли Алеша или нет? Но в контексте евангельского сюжета — это как раз первое “дело” для искусителя. Как сказано, Иисус, “постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сделались хлебами” (Мф., 4: 2-3). Ракитин предлагает колбасу и, как бы спохватившись, замечает: “только ведь ты колбасы не станешь” (14; 309). А когда Алеша соглашается, Ракитин с той же оговоркой предлагает Алеше водки: “Водки-то небось не решишься... Аль выпьешь?” (14; 309). Все завершается приглашением посетить Грушеньку, которое Алеша также принимает. Ракитин ошеломлен, с какой легкостью он добился своего, но Алешей уже больше не руководит отчаяние и боль: поэма Ивана горит в его голове, томит его сердце. За мгновение до появления на сцене Ракитина повествователь специально напоминает: “Не захочу, однако же, умолчать при сем случае и о некотором странном явлении, хотя и мгновенно, но все же обнаружившемся в эту роковую и сбивчивую для Алеши минуту в уме его. Это новое объявившееся и мелькнувшее *нечто* состояло в некотором мучительном впечатлении от неустанно припоминавшегося теперь Алешей вчерашнего его разговора с братом Иваном” (14; 307).

Ракитин — слепая игрушка в руках искусителя, он видит только внешнюю сторону событий, только то, что видят его глаза: рощу, тропинку, лежащего на животе Алешу. Ракитин рационален и реалистичен. Совсем иными, мистическими настроениям переполнен Алеша: Злой Дух, великий инквизитор, брат Иван и побеждающий всех их Христос стоят перед его духовными очами, и, проговорив Ракитину кощунственные слова брата Ивана, он отрывается. Он со всей отчетливостью осознает, кто явился перед ним в лице незадачливого семинариста-нигилиста, и обретает силу для духовного сопротивления.

Не плоть, а дух Алеши искушает Ракитин, когда предлагает ему колбасу и водку. Соглашаясь, Алеша преодолевает искушение духа — искушение авторитетом. Вспомним, как на первую раздраженную реплику Алеши Ракитин замечает: “Совсем как и прочие смертные стали покрикивать. Это из ангелов-то! Ну, Алешка, удивил ты меня, знаешь ты это, искренне говорю. Давно и ничему здесь не удивляюсь. Ведь я все же тебя за образованного человека почитал...” (14; 308). Если бы в ответ на это замечание Алеша попытался бы вновь вернуться к облику “ангела” и “образованного человека”, тут бы он и попался на уловку Злого Духа. Но Алеша, напротив, стал энергично разрушать этот свой образ, обыграв соблазнителя его же фигурами. Кстати, ни колбасы, ни водки, ни страстных женских ласканий Алеша не вкусил, лишь пригубил чуть-чуть шампанского у Грушеньки, ровно один глоток, и, смутясь, отставил бокал. Грушенька же и сама соскочила с колен его, как скоро прознала про смерть старца Зосимы. “Совсем не того ждал” Ракитин, “когда сводил Грушеньку с Алешей; совсем иное случилось, а не то, чего бы ему хотелось” (14; 324) — констатирует в итоге повествователь.

Искушение чудом проходит Алеша в главе “Луковка”. Именно так комментирует события неперемный их свидетель Ракитин: “Что ж, обратился грешнику? — злобно засмеялся он Алеше. — Блудницу на путь истины обратился? Семь бесов изгнал, а? Вот они где, наши чудеса-то давешние, ожидаемые, совершились” (14; 324). Ракитин, как некоторое время до того пытался заставить Алешу признать в себе “ангела”, пытается подтолкнуть его этими словами признать свою способность творить чудеса. Но Алеша уже преодолел “такую минутку”, и теперь с каждым часом становится все сильнее: “Перестань, Ракитин, — со страданием в душе отозвался Алеша” (14; 324). Это “Перестань, Ракитин”, как евангельское “Изыди, Сатана”. И, действительно, Ракитин после этих слов отступает: “Да черт вас дери всех и каждого! — завопил он вдруг, — и зачем я, черт, с тобою связался! (Потрясающая речевая проговорка — П.Ф.). Знать я тебя не хочу больше отселева. Пошел один, вот твоя дорога!

И он круто повернул в другую улицу, оставив Алешу одного во мраке. Алеша вышел из города и пошел полем к монастырю” (14; 325).

Расставание Ракитина и Алеши почти буквальная ситуативная цитата финала поэмы Ивана: после Христова поцелуя “старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, отворяет ее и говорит Ему: “Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!” И выпускает Его на “темные стогны града”. Пленник уходит” (14; 239).

Кстати, тема поцелуя, только иного, не Христова, а Иудиного, звучит и в сцене расставания Ракитина и Алеши. После реплики Алеши “Перестань, Ракитин” тот взрывается: “Это ты теперь за двадцать пять рублей меня давешних “презираешь”? Продал, дескать, истинного друга. Да ведь ты не Христос, а я не Иуда”, и ответ Алеши, как тот самый поцелуй Христа в поэме

Ивана: “Ах, Ракитин, уверяю тебя, я и забыл об этом, ... сам ты сейчас напомнил” (14; 325). “Забыл”, то есть простил. И хотя Ракитин прямо формирует: “ты не Христос”, Достоевский, сюжетно “цитируя” далее поэму Ивана, предлагает читателю усомниться в правоте Ракитина. Да и какая может быть вера его словам, тем более, что и утверждение Ракитина “я не Иуда” вполне опровергается фактами.

Последнее искушение – тайной, ждет Алешу в главе “Кана Галилейская”. С новыми силами, но еще не до конца осознав, какую битву он выстоял, Алеша возвращается в монастырь ко гробу старца Зосимы. “Душа его была переполнена, но как-то смутно, и ни одно ощущение не выделялось, слишком сказываясь, напротив, одно вытесняло другое в каком-то тихом, ровном коловращении. Но сердцу было сладко, и, странно, Алеша не удивлялся тому. Опять он видел перед собой этот гроб, этого закрытого кругом драгоценного ему мертвеца, но плачущей, ноющей, мучительной жалости не было в душе его, как давеча утром <...> Мысль о тлетворном духе, казавшаяся ему еще только давеча столь ужасною и бесславною, не подняла теперь в нем давешней тоски и давешнего негодования” (14; 325). Алеша стоит на пороге “миров иных”, и он уже недоступен суете и соблазну.

Евангельские события входят в жизнь Алеши уже не смутными ассоциациями и воспоминаниями, а непосредственно через текст Святого Писания, звучащий ровным, тихим голосом отца Паисия. Постепенно погружаясь в состояние мистического откровения, Алеша и сам переносится в Кану Галилейскую. Но это совсем не та Кана, о которой читает отец Паисий, двухтысячелетней давности, затерянная в долинах Ближнего Востока. Это – вечная Кана, вне времени и пространства. Она всегда есть, и потому она всегда здесь и сейчас. И потому возможно, что за праздничным столом вместе со всеми сидит и старец Зосима, вчера только еще проповедовавший в своей келье. И вечный Гость здесь: “Страшен величием перед нами, ужасен высотой своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился и веселится с нами, воду в вино превращает, чтобы не пресеклась радость гостей, новых гостей ждет, новых непрерывно зовет и уже на веки веков” (14; 327).

Сила любви и вера позволяют Алеше в мистическом прозрении проникнуть под покров тайны, и с этого момента для Алеши больше нет тайны и нет искушения. Алеша прошел через все испытания. Поначалу, как человек, как Карамазов, он дрогнул и поддался на мгновение искушению, но только так, уверен Достоевский, поддавшись и дрогнув, может человек понять и осознать, что с ним происходит, и только после этого либо вновь подняться, либо пасть окончательно. Алексей Карамазов поднялся и вступил в бой с искусителем, и победил, и был призван вместе со старцем на вечный брак в Кане Галилейской, и узрел Христа. И потому с такой убежденностью и силой звучат знаменитые слова повествователя в конце главы, завершающей книгу, посвященную Алеше: “ <...> С каждым мгновением он чувствовал явно

и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его — и уже на всю жизнь и на веки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом и сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не мог забыть Алеша во всю жизнь этой минуты. “Кто-то посетил мою душу в тот час,” — говорил он потом с твердою верой в слова свои...” (14; 328).

Эти слова повествователя вновь возвращают нас ко второму, “главному” роману. “На всю жизнь и во веки веков”, — это в контексте всей главы не просто устойчивые словосочетания, а вполне конкретные сроки — на всю земную и после, вечную, загробную жизнь. В свете этих слов и описанных событий никакое “политическое преступление”, никакой “эшафот” попросту невозможны. По всей видимости, жизнеописание Алексея Федоровича Карамазова должно было стать евангелием русского Христа, о пришествии которого так мечтал писатель и к образу которого неоднократно подступал в своих произведениях. Пришествие русского Христа не состоялось. Достоевский умер, не довоплотив свой замысел. Сам этот факт достаточно символичен. Не пришли еще сроки. Но сама мечта, само ожидание русского Христа — прекрасны, и, быть может, эта мечта, это ожидание — главное создание Достоевского, дающее всем нам силу и надежду.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ **Гуардини Р.** Человек и вера. Брюссель: Жизнь с Богом, 1994. С. 97.

² **Мочульский К.В.** Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1996. С. 536.

³ **Ветловская В.Е.** Литературные и фольклорные источники “Братьев Карамазовых” (Житие Алексея человека Божия и духовный стих о нем)// Достоевский и русские писатели. М.: Сов. писатель, 1971. С. 325 — 354.